Михаил Макаров

Обыкновенное чудо исцеления

Непридуманные истории из жизни православного

Михаил Макаров

Обыкновенное чудо исцеления

Непридуманные истории из жизни православного

Данилов мужской монастырь
Даниловский благовестник
Москва • 2011

УДК 271.2
ББК 86-372
М 15

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИС 11-026-3064

М 15 **Макаров Михаил Иванович**
ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ: Непридуманные истории из жизни православного. – М.: Даниловский благовестник, 2011. – 96 с.

ISBN 978-5-89101-455-8

Автор этой книги Михаил Иванович Макаров – простой православный человек, проживший долгую жизнь и много повидавший в ней не только трудностей и испытаний, но и помощи Божией: Господь не раз избавлял его от тяжелых болезней, чудо исцеления привело к вере и его жену. Эти и многие другие случаи чудесной помощи Божией, сохраненные в его благодарной памяти, Михаил Иванович посчитал своим долгом записать и донести до нас, своих читателей.

УДК 271.2
ББК 86-372

ISBN 978-5-89101-455-8

© Данилов ставропигиальный мужской монастырь, составление, оформление, верстка, 2010

От Издательства

Каждый православный носит в своей памяти немало историй чудесных исцелений или других проявлений помощи Божией. Мы рассказываем их друг другу, чтобы разделить с ближним радость явного присутствия Божия в нашей жизни, утешить и подбодрить в тяжелых обстоятельствах. Православный человек живет милостью Божией и неисчислимыми Его благодеяниями. Надо только не забывать об этом.

Но далеко не каждый может рассказать о своей встрече с чудом, написать просто и убедительно, как смог это сделать Михаил Иванович Макаров. Он не был профессиональным писателем, он был просто по-настоящему православным человеком.

Родился Михаил Иванович в 1906 году, преставился ко Господу в 2004-м, немного не дожив до ста лет. В детстве учился в церковно-приходской школе при Даниловом монастыре, полюбил обитель, был ее прихожанином и даже звонарем на монастырской колокольне. Михаил Иванович прожил вроде бы обыкновенную, ничем особо не выдающуюся жизнь простого труженика – но это была жизнь с Богом. Никогда, даже в самые тяжелые богоборческие времена, не отходил он от веры, от Церкви. И Господь помогал.

И вот эти случаи чудесной помощи Божией Михаил Иванович посчитал своим долгом записать и донести до нас, своих читателей. Причем, зная Михаила Ивановича, можно точно сказать, что этот простой и очень скромный человек не сказал

ни одного лишнего слова, ничего не приукрасил в своих рассказах, а просто поделился с нами тем, что пришлось пережить.

Михаил Иванович рассказал о том, как неоднократно спасал его Господь в тяжелых болезнях, как чудо исцеления привело к вере его жену, рассказал о любимых московских святынях – чудотворных иконах Божией Матери Владимирской, находившейся в то время в Кремле, и Иверской из Иверской часовни на Красной площади, «Всех скорбящих Радость» из храма на Ордынке и «Целительница» из храма Воскресения в Сокольниках – и о подлинных историях исцеления и помощи Божией по молитвам к ним. «Жизнь человеческая сложна. У человека, даже самого счастливого, бывает пора горя, скорби, трудных обстоятельств. Идите в такую пору за помощью к Божией Матери… Излейте перед Ней в горячей молитве вашу скорбь, дайте доброе обещание…» – призывает нас Михаил Иванович, ведь он прекрасно знает, что такая молитва не остается неуслышанной.

Неверующие люди часто пытаются объяснить чудо совпадением, Михаил Иванович отвечает им так: «Просто неверие не хочет признавать помощь Божию. Неверие всегда силится объяснить факт помощи Божией чем угодно, но только не помощью Божией… Верьте! Вера ничему плохому не научит, ничему хорошему не помешает. Верьте, и у вас в жизни будет много благодатных, радостных “совпадений”!..»

Встреча

Савл, Савл! что ты гонишь Меня?

Деян. 9, 4

Провозглашу имя Иеговы пред тобою,
и кого помиловать – помилую.

Исх. 33, 19

В 1921 году известный русский художник Михаил Васильевич Нестеров написал небольшую картину «Путники». По крутому берегу широкой реки идут вместе двое: крестьянин и крестьянка. Он с непокрытой космато-бородатой головой. У крестьянки на голове красивый платок. За плечами у крестьянина котомка, на ногах – чуни. У крестьянки на ногах лапти. Под косогором, по которому они идут, видны крыши крестьянских избушек. На реке буксир тянет баржу. Все так просто и обыденно. Но вот что не просто и не обыденно: навстречу

им идет путник – Христос. Они поражены этой встречей.

«Какая несовременная, нереальная картина», – могут подумать некоторые. Нет. И современная, и реальная. И сейчас, как и раньше, как и две тысячи лет назад, Христос является и Его гонителям, и тем, кто Его хочет встретить, и тем, кому Он хочет явить Свое имя и помиловать. Является Он, является Его Пречистая Матерь, являются святые. Являются зримо и незримо в откровениях, бедах и напастях. Недаром в русском народе при беде или напасти раньше говорили: «Посетил Господь». Так было, так есть и так будет, потому что врата ада, врата зла не одолеют Церкви Христовой.

* * *

Л. была убежденной атеисткой. Мало того, атеисткой-пропагандисткой и по роду своей работы читала антирелигиозные лекции, в том числе в Даниловом монастыре, когда там был приемник для несовершеннолетних правонарушителей. В антирелигиозном духе она воспитывала и своих двух детей – мальчика и девочку. Однажды, во время своего отпуска, она предприняла

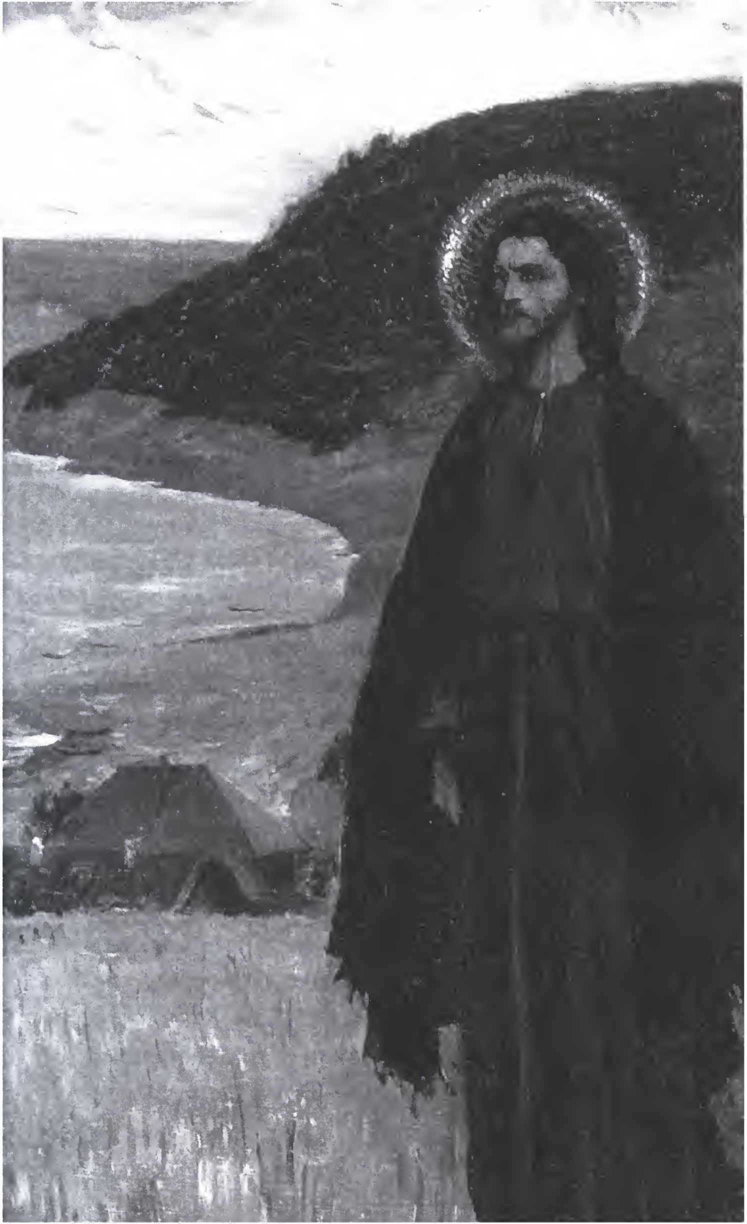
с детьми поездку в Сибирь – посмотреть города, повидать людей. В одном из городов они втроем пошли погулять. По пути они увидели открытый действующий храм, вошли в него и, озираясь с любопытством, стали бесцеремонно осматривать его. В это время молящихся в храме не было, одни уборщицы мыли пол. Мы сейчас довольно часто можем наблюдать в храмах подобную картину, как заходящие прохожие, в том числе женщины в штанах, также бесцеремонно глазеют по стенам храма, подходят к иконам, недоуменно и невежественно рассматривают их непонимающим взором. Вместо того чтобы дружелюбно спросить таких прохожих, что им непонятно, и рассказать им о содержании стенописи или икон, на любопытствующих злобно шипят некоторые «верующие» – никогда нельзя этого делать. Мы не знаем, быть может, десница Божия привела их в этот храм явить им Лицо Божие, призвать их и помиловать их.

Но вернемся к Л. Ее внимание привлекла икона Богоматери, помещавшаяся неподалеку от иконостаса. Л. подошла к иконе и стала рассматривать Божию Матерь. Вдруг она услышала голос от иконы, от которого

М.В. Нестеров. Путники. 1920-е годы. ГТГ

⟶

ей стало дурно. Она упала перед иконой в глубоком земном поклоне и стала молить Богоматерь о прощении. Голос услышали и ее дети, но не поняли слов. Что услышала Л., она не говорит, но она тут же прервала поездку, вернулась в Москву, крестилась сама, крестила детей и бросила антирелигиозную работу. Она стала ревностно посещать храм, по проповедям и службам изучать веру и заповеди нашей Церкви, усердно молиться. Ее сын Алеша стал прислуживать в храме, научился церковнославянскому чтению и стал чтецом. Отслужив в Советской армии, он поступил в Духовную семинарию, принял монашество и теперь в сане игумена настоятельствует в одном из храмов. Дочь Л. также приняла постриг, и теперь она инокиня. Так в наше время Господь призвал и помиловал Своих избранников и сделал их служителями Его Церкви.

Так было. Мы знаем о явлении Христа из Евангелия, из Деяний святых апостолов, из житий святых. А вот факт из прошлой светской жизни. Все культурные люди знают великого русского писателя И.А. Гончарова. Но далеко не все знают, что перед его кончиной ему явился Христос. Вот что рассказы-

вает об этом факте А.Ф. Кони в книге «Воспоминания о писателях»*.

«Глубокая вера в иную жизнь сопровождала Гончарова до конца. Я посетил его за день до его смерти, и при выражении мною надежды, что он еще поправится, он посмотрел на меня уцелевшим глазом, в котором еще мерцала и вспыхивала жизнь, и сказал твердым голосом: “Нет, я умру. Сегодня ночью я видел Христа, и Он меня простил”».

Но не всем является Христос, а только особо избранным. Мы должны, обязаны молиться, чтобы Господь спас всех людей.

Господи! Возврати Церкви Твоей Святой всех отошедших от нея, приведи к ней не ведящих ея, соделай Твоими служителями гонителей ея и соедини нас всех в вере, надежде и любви.

* Лениздат, 1965. С. 224–225.

Анна

Как-то в мае месяце 1946 года группа женщин-отдыхающих расположилась на скамейке веранды дома отдыха «Чай-Грузия» для продолжения начатого разговора.

– Вас интересует, почему я верую в Бога? Расскажу подробно. Когда я в 30-х годах вышла замуж, я была твердо неверующей, но не атеисткой-фанатичкой, как это довольно часто бывает, а просто неверующей, относившейся к верующим без озлобления: «Верят, и ладно – это их дело». Видно, поэтому я легко ужилась с мужем и свекровью – верующими людьми. Они относились ко мне очень хорошо и никогда не упрекали меня в моем неверии, но, видимо, молились, чтобы Господь вразумил меня. Когда у нас родилась дочь, а через некоторое время – другая, муж и свекровь осторожно завели разговор об их крещении, но я категорически не соглашалась.

Муж и свекровь больше этого разговора не заводили, и у нас в семье по-прежнему были мир и любовь. Но вот пришла война. Муж на второй день войны был мобилизован в армию. Осталась я со свекровью и с дочками. Жить нам стало тяжелее, но, в общем-то, не так уж плохо. У свекрови под Москвой был дом, и она забрала моих дочек к себе – подальше от возможных вражеских налетов. Я работала бухгалтером на Третьем мыловаренном заводе. У нас на заводе были очень расторопные снабженцы, которые неплохо обеспечивали нас продуктами. Я, как только появлялась возможность поехать к дочкам, забирала запасенные продукты и везла к свекрови. Привозимое мною да картошка, овощи и молоко, которые имелись у свекрови, – этого было достаточно для питания дочек.

Однажды осенью 1941 года, под вечер, я шла лесом со станции к свекрови. В руках у меня были две сумки с продуктами. Наверху одной из сумок – белые булки, уже становившиеся в то время редкостью. Вижу, идет мне навстречу стройная женщина в черном. Лицо очень благообразное, глаза большие, вдумчивые. Смотрит на меня.

– Здравствуй, Аннушка, – говорит она, подходя ко мне.

– Здравствуйте, – говорю я ей, а сама думаю: «Откуда она меня знает? Наверное, какая-то знакомая свекрови».

– Живешь ты лучше других, – говорит она мне, – а вот Богу не молишься.

– А я не знаю, как Богу молиться, – отвечаю я.

– Читай хотя бы «Отче наш» и «Богородицу».

– Да я и это не знаю, – отвечала я.

– Садись на пенек, я тебе скажу, а ты запишешь.

И она тоже села на пенек, неподалеку от того пенька, на который указала мне.

Мне вдруг стало стыдно, что у меня из сумки выглядывают белые булки, а она, может быть, и хлеба-то черного не имеет. Я достала из сумки две булки и отдала ей.

– Что ты, Аннушка, делаешь, зачем даешь мне? Отнеси своим дочкам.

«Ну конечно, знакомая свекрови, о дочках знает», – пронеслось в моих мыслях.

– Нет, нет, возьмите себе, я вас угощаю. У нас есть, – ответила я и твердо отстранила протянутые было ею мне булки.

– Ну давай, Аннушка, запишем молитвы-то.

Я вынула из сумки тетрадку, которую несла дочке, карандаш и стала записывать под ее диктовку. Когда я кончила писать, она мне сказала:

– А теперь прочти, я проверю, правильно ли ты записала.

Я прочитала.

Она сказала:

– Правильно.

Я подняла на нее глаза, но вместо нее увидела на пеньке мои две булки. Смотрю туда, сюда, вокруг: ее нигде нет, хотя лес был редким. Я как-то сразу невольно заплакала, и мне вдруг стало так легко и светло на душе, как бывало только в детстве. Так, заплаканная, и пришла домой. Увидав меня в таком виде, свекровь заволновалась, но начала меня утешать:

– Не плачь, Аннушка, – не ты первая, не ты последняя. Получила извещение? И другие получают. На все воля Божия. Бог тебя не оставит – проживем.

– Вот мое извещение, – ответила я, показывая ей тетрадку; опять заплакала и рассказала о встрече в лесу. Свекровь очень

удивилась, растрогалась и уверила меня, что у нее нет знакомых, похожих на женщину, встретившуюся мне. И было непонятно, куда исчезла та женщина.

Меня этот случай так поразил, что я стала утром и вечером читать сначала по тетрадке и затем наизусть «Отче наш» и «Богородицу». А потом стала заходить по дороге на работу или с работы в храм.

Однажды по делу мне пришлось быть во Владыкине. Проходя неподалеку от храма и увидев, что он открыт, я зашла в него. На северной стене храма я увидела икону, изображавшую во весь рост святую женщину. Что-то знакомое вспомнилось мне. Где я видела эту женщину? И никак не могла вспомнить.

– Чей это образ? – спросила я, обращаясь к одной молящейся.

– Это Анна Кашинская, – ответила она мне.

– Господи! Это же мой Ангел Хранитель!

Я сразу вспомнила все: осенний вечер, лес, женщину, две булки на пеньке... Я упала на колени перед образом и всей душой, всем сердцем благодарила Анну Кашинскую за то, что она пришла ко мне там, в лесу... и вновь напомнила об этом здесь своей ико-

ной. И тут же в моем сознании, как молния, сверкнули две мысли: надо крестить дочек и молиться, молиться... Молиться за дочек, за мужа, за свекровь, за тех, кто на войне, за Родину, за всех.

Дочек я крестила и стала систематически ходить в церковь. И я совсем не ожидала, что там я узнаю так много доброго, светлого и совершенно необходимого людям, без чего они не могут нормально жить.

Война окончилась. Муж вернулся цел и невредим. В нашей семье еще бо́льшие мир и благодать. Так я пришла к вере в Бога, к надежде на Него, к настоящей любви. Эту радость теперь у меня никто и ничто не отнимет.

Рассказчица замолчала. Ее собеседницы тоже молчали и задумчиво смотрели на безбрежное море...

«Пес я буду...»

Была нелетная погода. Пассажиры в ожидании заполнили вестибюль шереметьевского аэропорта. В одном уголке на скамьях разместились отдельной группой человек двадцать: люди сравнительно молодые, в пределах сорокалетнего возраста, и среди них один старик – лет около восьмидесяти. Зашел разговор об ожидании отлета.

– Хуже нет: ждать да догонять, – сказал кто-то.

– Это правильно, – ответил другой, – мне кажется, что самое нудное состояние есть состояние ожидания неопределенного отлета.

– Я с вами не согласен, – отозвался старик, – одно из неприятнейших состояний – это быть безработным. Ваше поколение счастливо – оно не представляет себе, что это значит, а вот мне пришлось быть в та-

ком положении, и я вам скажу, что оно не идет ни в какое сравнение с ожиданием летной погоды, когда у вас в кармане билет на лучший советский лайнер.

– Расскажите, когда это было и как вы жили безработным, – раздалось сразу несколько голосов, – нам это не только интересно, но, возможно, и полезно.

– Извольте, я кое-что могу рассказать, только мой рассказ для одних явится неожиданным, а для некоторых, может быть, даже неприятным.

Такой ответ старика еще более заинтриговал пассажиров, и все наперебой стали его просить рассказать. Старик помолчал, как бы обдумывая, что говорить, а потом начал.

– Я был безработным в 1926 году, когда в полном расцвете был нэп. Мне запомнилась одна карикатура в тогдашней газете «Вечерняя Москва» или «Гудок». Изображен был памятник Минину и Пожарскому, кругом дым. Под карикатурой помещен следующий диалог:

Пожарский: Опять в дыму весь горизонт,
Уж не враги ль добычу шарят?

Минин: Нет, князь, в Москве идет ремонт,
Асфальт в котлах больших то варят.

Пожарский: А кто подрядчик у них тут,
С рабочим возится народом?
Минин: Вишь, нэпом, князь, его зовут,
Из басурман, наверно, родом.

Карикатура запомнилась как ярко отражавшая начало восстановления городского хозяйства Москвы после разрухи. Промышленность и торговля быстро возрождались и расширялись. Но безработица была большая, осложнявшаяся приливом в Москву населения из деревень и других городов. Полки в магазинах буквально ломились от изобилия всевозможных промтоваров и продуктов высокого качества, без каких-либо примесей. На рынках и огромных базарах тоже полно всякой всячины по магазинным и даже более низким ценам.

Было очень тяжело осознавать, что люди специальностей, сходных с моею, находясь на работе, пользуются всем этим, а я только хожу и смотрю на это изобилие. Я мог купить лишь самое скудное из пищевых продуктов, и то лишь благодаря тому, что получал пособие по безработице в размере пятнадцати рублей в месяц. О покупке чего-либо из промтоваров можно было только мечтать. Мой отец получал небольшую

Воскресенские (Иверские) ворота с Иверской часовней. Фотография нач. XX в.

зарплату. Это несколько облегчало мое положение, но до невыносимости переживалось, что я, двадцатилетний парень, который должен был бы помогать отцу, сижу на его шее и осложняю жизнь семьи.

А, пожалуй, самым страшным для меня было ощущение отрешенности от работы, какой-то неприкаянности, лежавшей тяжелым камнем на сердце. Дни тянулись томительно долго. Раз в месяц я ходил отмечаться на бирже труда, но каждое такое посещение лишь отягчало мое состояние: на горизонте не было никакой надежды на скорое получение работы. Наоборот, число безработных по моей специальности увеличивалось, по другим специальностям и даже по подсобным рабочим тоже стояли большие очереди у окон биржи труда. Положение становилось просто кошмарным.

Мне кажется, теперь вам понятно, что лучше: быть безработным или ожидать летной погоды. На этом я, пожалуй бы, закончил свой рассказ, но хочется дополнить его необычным случаем, оставившим глубокий след во всей моей последующей жизни.

Было начало сентября. В подавленном состоянии я сидел однажды дома. Во входную

дверь постучали. Я отворил. Передо мной стояла прямая, бодрая старуха. На голове платок, повязанный по-монашески. Лицо круглое, большие выразительные глаза с глубоко проникающим взором. Длинная одежда. В руке костыль, котомка сзади. Во всем ее облике виделась необыкновенная крепость и воля. Старуха вошла в кухню, положила три поклона с крестным знамением перед иконой, поклонилась мне и сказала:

– Дай мне, мо́лодец, испить воды.

Я почерпнул ковшом воды в кадке (водопровода тогда у нас еще не было) и подал старухе. Она опять перекрестилась и, сделав три больших глотка, возвратила мне ковш.

– Что, мо́лодец, тяжело на сердце-то?

Я смутился, не зная, что ответить.

– Плохо без работы, – продолжала старуха, – а ты не отчаивайся, пойди к Иверской, поставь за пятачок свечку перед иконой Богоматери и помолись усердно, со слезами. Пес я буду, если Божия Матерь тебе не поможет. Даст Она тебе работу.

С этими словами старуха перекрестилась на икону и, сказав: «Спаси тя Христос за корец воды», – вышла.

Я был ошеломлен и не знал, что делать, но машинально бросился за ней и спросил:

– Как ваше имя?

– Странница Пелагеюшка, – ответила она, удаляясь.

Поняв, что разговор окончен, я стоял в раздумье.

На другой день я пошел к Иверской. Икона тогда была в часовне у Воскресенских ворот, находившихся в проезде между музеем В.И. Ленина и Историческим музеем*. Я сделал все, как сказала мне Пелагеюшка. И вот, поверьте мне, старику, выходя из часовни, я почувствовал, что камень упал с моего сердца. Я почувствовал легкость и уверенность в будущем. Через несколько дней я получил повестку, приглашавшую меня на биржу труда. Теряясь в догадках, что бы значило это приглашение, я пошел на биржу. У окна, номер которого был обозначен в повестке, никого не было. Я подал повестку.

---

* Если мне не изменяет память, ворота и часовня были снесены в начале тридцатых годов. В часовне находились две Иверские иконы. Одна икона – большая, помещавшаяся прямо против входа в часовню, – теперь она, кажется, в Третьяковской галерее. (Где находится эта икона, неизвестно. В Иверской часовне, восстановленной в 1995 году, теперь новый список Иверской иконы, написанный на Афоне. – *Ред.*) Другая – копия, поменьше размером – перенесена при закрытии часовни в храм Воскресения Христова, что в Сокольниках, где и находится доныне.

У Иверской часовни. Фотография нач. XX в.

– Если хотите поехать в дом отдыха, – сказали мне из окна, – бесплатную путевку мы вам сейчас выпишем.

Я, конечно, согласился. Мне тут же вручили пятнадцатидневную путевку в дом отдыха им. М.И. Калинина, находившийся в четырех километрах от станции Тарасовка Ярославской железной дороги. После весьма скромного домашнего питания роскошное четырехразовое питание и четкий распорядок дня в доме отдыха показались мне раем. За пятнадцать дней я поправился на четыре килограмма и почувствовал себя чрезвычайно окрепшим и бодрым.

Когда я возвратился из дома отдыха, меня ждал неожиданный и радостный сюрприз. К нам пришла наша хорошая знакомая и сказала, что на их фабрике освобождается место по моей специальности – человека призвали в армию. «Я уже говорила с директором, – добавила знакомая, – обрисовала ваше плохое материальное положение, и он дал согласие сделать персональный запрос на биржу труда с вызовом вас на работу».

Таким образом совершилось неожиданное: я поступил на работу. Знаменательно, что первый день моей работы пришелся на

14 октября – день Покрова Божией Матери. Я расценил это как знак явной помощи Царицы Небесной и мысленно поблагодарил странницу Пелагеюшку за ее добрый совет. Велико милосердие Владычицы. Она дала не только просимую работу, но и необходимый отдых перед ней.

Я установил себе за правило: каждый раз, когда бываю у Иверской, благодарить Богоматерь за эту помощь и в память о помощи ставить перед Ее иконой свечку.

Старик остановился. Видно было, что он взволнован. Это поняли пассажиры. Все молчали.

– Нельзя скрывать и другой случай помощи Божией Матери, – продолжал старик, – не угодно ли вам выслушать это?

– Говорите, – ответило большинство пассажиров.

– Прошло несколько лет. Мне очень понравилась одна моя сослуживица. Пришелся, видно, и я ей по душе. Мы сошлись. У нас было много общих интересов, но как только заходил разговор о Боге, жена резко прекращала беседу. Жена была атеисткой. Атеисткой до фанатизма. Она даже запрещала произносить слово «Бог». Я скорбел и молился о ее вразумлении.

Каждый раз, когда мой путь из поездок по делам службы проходил неподалеку от храма Святой Троицы в Воротниках (теперь рядом со станцией метро «Новослободская»), я заходил в храм, вспоминал Пелагеюшку, ставил свечу перед древней Казанской иконой (в настоящее время эта икона находится на северной стене храма) и молил Владычицу о возвращении жены в Церковь Божию.

Однажды к нам приехала погостить престарелая мать моей жены. Видимо, по дороге она заразилась сыпным тифом. Ее забрали в больницу. Там к сыпному тифу добавилось воспаление легких. Положение стало тяжелым. Врач не ждал выздоровления. Раз после посещения больницы жена пришла вся в слезах.

– Умрет моя мама, не выживет, – рыдала она.

Я осторожно рассказал ей о случае с Пелагеюшкой, добавив:

– Не отчаивайся. Пойди к Иверской, поставь свечу перед иконой, покайся в своем неверии и помолись об исцелении мамы. И как сказала мне Пелагеюшка, так и я говорю тебе: пес я буду, если Божия Матерь тебе не поможет.

Иверская икона Божией Матери из храма Воскресения Христова в Сокольниках. Современная фотография

– Как же я пойду, мне стыдно, я так далека от этого.

– Отбрось стыд, смело иди, кайся и молись.

Жена пошла. После она рассказывала, как при входе в храм в Сокольниках ее почти физически не пускала какая-то сила. Но, поборов это наваждение, она все-таки вошла. Долго плакала и молилась перед иконой и даже привлекла внимание священника (будущего архиепископа Сергия), который, узнав от жены, о чем она так просила Богородицу, сказал: «Успокойтесь, ваша мама выздоровеет».

Из храма жена пошла в больницу и там узнала, что маме стало лучше. С этого дня мама начала поправляться и вскоре выздоровела. Не знаю, какое обещание дала жена, молясь перед Иверской иконой, но по выздоровлении мамы стала регулярно ходить в храм, и с тех пор она – глубоко верующий человек.

Вот так помогла нам опять Владычица и дала нам великую, объединяющую нас троих радость. Радость мне – от возвращения жены в Церковь. Радость жене – от получения того духовного богатства, которого она

не имела в атеизме. Величайшую радость неизменно верующей маме, с которой снялась глубокая скорбь по поводу упорного атеизма дочери. Эта радость распространилась также и на мою маму, желавшую видеть в моей жене верующего человека.

– В рассказанных вами случаях есть просто совпадение, а не какая-то помощь свыше, как вы утверждаете, – сказал один из пассажиров, человек лет сорока.

Старик помолчал, подумал, а потом ответил:

– Моя жизнь – сплошная цепочка из подобных «совпадений». Перечисление и анализ их займет много времени. Поэтому я хочу обратить внимание на следующее. Положим, мне скажут: «Пойди к такому-то человеку, попроси его о помощи в твоем деле. Он тебе поможет». Если в действительности так получится – вряд ли мы увидим в этом какое-то совпадение. Мы просто скажем: «Совет был правильным, помощь получена». Так почему же, когда меня посылают просить о помощи Божию Матерь и я получаю эту помощь, – почему я в этом случае должен видеть не помощь свыше, а какое-то «совпадение»? Не странно ли это? Странного тут

ничего нет. Просто неверие не хочет признавать помощь Божию. Неверие всегда силится объяснить факт помощи Божией чем угодно, но только не помощью Божией.

Мне сейчас вспомнился один старый анекдот, хорошо иллюстрирующий это. Архиерей спрашивает на экзамене семинариста: «Что такое чудо?» Семинарист затрудняется с ответом. Чтобы вывести семинариста из затруднительного положения, архиерей говорит:

– Вот, например, ты упал с высокой колокольни и остался невредим. Что это такое?

– Случайность, – отвечает семинарист.

– Ну хорошо, ты во второй раз упал с колокольни и опять остался невредим. Что это?

– Счастье.

– Ты в третий раз упал с колокольни и опять невредим. Чем ты это объяснишь?

– Привычкой, – ответил семинарист.

Видно, наивный семинарист не склонен был к религиозности, поэтому он тоже искал и признавал любое объяснение факту, но только не чудо. Евангелие рассказывает нам, как воскресший Христос явился Своим ученикам. Они видели Его, видели язвы

гвоздиные на Его руках и ногах, видели смертельную рану на Его груди, говорили с ним. И что же? «Иные усумнились», – говорит апостол Матфей. Только эти два слова – «иные усумнились» – уже достаточны, чтобы свидетельствовать об истинности и достоверности всех евангельских повествований, потому что эти слова раскрывают тайники человеческой души, в которых гнездится неверие, не могущее понять и принять небесное.

Вера – великий дар Божий, шестое чувство, делающее человеку понятным то, что не понятно неверующему. Вера – великое богатство.

– Как можно верить, когда в духовных книгах столько несбыточного, – пробовал возражать оппонент.

– А вы читали духовные книги? – спросил старик.

– Кое-что читал.

– Например, читали вы книгу «Вера»?

– Нет, не читал.

– А «Кириллину книгу»?

– Не читал.

– Вполне понятно, что вы их не читали. Теперь они – редкость, их почти невозможно

достать. А читали ли вы роман «В лесах» П.И. Мельникова (Печерского)?

– Нет, не читал.

– Так вот, в первой книге этого романа приведены выдержки из книги «Вера» и «Кириллиной книги». Я процитирую эти выдержки на память. Вот что там говорится:

«Придет к людям безверие и ненависть, ссора, пьянство и хищение, и устыдятся носить на себе Крест Христов».

«Святой Ипполит, папа Римский, глаголет: "Да разумеете напоследок быти всех человек еже друг ко другу развращение, и церкви Божии яко простые храмины будут. Писания небрегоми будут и не услышатся. Священные храмы яко овощная хранилища будут"»*.

– Теперь, положа руку на сердце, скажите, – обратился старик к оппоненту, – сбыточное это или несбыточное?

Оппонент молчал.

---

* Я отыскал места в романе «В лесах», где приведены процитированные стариком выдержки из книги «Вера» и «Кириллиной книги». Интересующимся читателям сообщаю эти места. См.: Собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского) в шести томах. Библиотека «Огонек». – М.: Правда, 1963. – Т. 2. С. 609–611.

– Примечательно, – продолжал старик, – что папа Ипполит жил несколько веков назад и своим духовным взором веры провидел то, что сказал. Верьте! Вера ничему плохому не научит, ничему хорошему не помешает. Верьте, и у вас в жизни будет много благодатных, радостных «совпадений». Жизнь человеческая сложна. У человека, даже самого счастливого, бывает пора горя, скорби, трудных обстоятельств. Идите в такую пору за помощью к Божией Матери, как советовала Пелагеюшка, – к Иверской. Излейте перед Ней в горячей молитве вашу скорбь, дайте доброе обещание. Пес я буду, если Божия Матерь вам не поможет. Но, получив Ее помощь, обязательно обратитесь к Ней с благодарностью и выполните свое обещание.

Старик поклонился пассажирам, как бы дав понять, что он закончил рассказ. Пассажиры молчали, в том числе и оппонент. Чувствовалось, что старик тронул добрые уголки их душ.

Из Кутафьей

Да не сокрыт будет источник благодатных врачеваний всем требующим...

Кондак 7 акафиста Пресвятой Богородице перед Ея чудотворной иконой «Всех скорбящих Радость»

Девочка Аллочка была безнадежно больна. Врачи единогласно решили, что она не выздоровеет. Мать девочки Лидия Васильевна была в отчаянии. Для нее больничные посещения дочки были сплошным сердечным мучением. Надо было воодушевлять больную, но на воодушевление не хватало никаких сил. Особенно когда приходилось говорить дочке, что она поправится. Однажды, в таком тягостном состоянии, Лидии Васильевне пришел на память давний разговор у ее знакомых, когда Аллочка была весела и здорова.

Разговор зашел о Московском Кремле. Кто-то из гостей сказал:

– Кремль – это не только наш правительственный центр. Это наша русская православная святыня, несмотря на то что соборы бездействуют и превращены в музеи. Нам, верующим, когда мы бываем в этих соборах, надо молиться. Просить о том, чтобы Господь вернул нам эти соборы для молитвы, молиться о наших нуждах и печалях. Особенно перед Владимирской иконой Божией Матери. И если наша молитва будет горяча, искренна, от души – Матерь Божия услышит ее и даст нам «вся полезная и благая»: то, что нам действительно нужно.

Тяжело скорбя о дочке, Лидия Васильевна вспомнила этот разговор и решила пойти в Кремль, помолиться об исцелении девочки.

В Кремль Лидию Васильевну не пустили – был санитарный день. Расстроенная неудачей, она с глубокой горечью подумала: «Божия Матерь не допускает меня к Себе – я недостойна».

С чувством этого недостоинства и со слабой надеждой она все-таки остановилась в башне перед мостом, ведущим к Троицким воротам Кремля, и стала мысленно усердно молиться. На другой день, как обычно, она пошла к дочке в больницу. Дочка радостная сидела на постели.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Лидия Васильевна.

– Хорошо, – ответила Аллочка, – я совсем здорова.

– Как здорова?

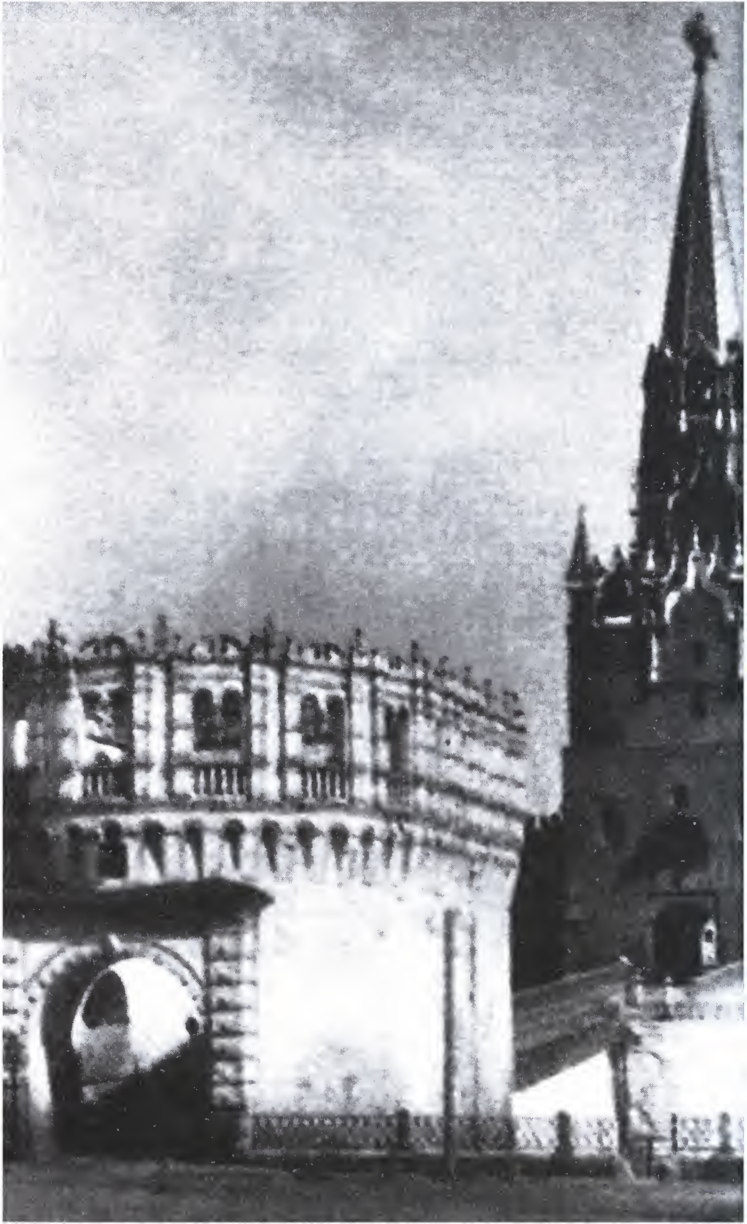
– А так – совсем здорова. Я, мамочка, сегодня видела сон. Ко мне пришла светлая Тетя и сказала: «Аллочка, будь здорова. И передай маме, что Я ее и из Кутафьей услышала».

Обрадованная Лидия Васильевна стала спрашивать лечащего врача, что произошло с дочкой. Врач, обследовав больную, недоумевала, что с ней случилось. Безнадежно больная девочка была абсолютно здорова. Не доверяя себе, врач позвала для консультации других врачей и заведующего отделением. Они всесторонне осмотрели девочку и были потрясены совершенно непонятной неожиданностью: Аллочка была здорова. Радости Лидии Васильевны не было конца. Она горячо благодарила Божию Матерь за исцеление дочки. Окрыленная, не чувствуя под собою ног, она побежала домой и рассказала обо всем происшедшем мужу и о том, что ей непонятны слова «из Кутафьей услышала».

– Что ж тут непонятного? Кутафья – это название башни перед Троицкими воротами,

Великая русская святыня Владимирская икона Божией Матери. Ныне находится в храме Свт. Николая в Толмачах

где ты молилась о помощи Аллочке, – ответил муж.

Аллочку вскоре выписали из больницы. Прошли годы. Аллочка, теперь Алла Львовна, живет благополучно, и у нее уже сын-школьник Юра.

Кутафья башня и Троицкие ворота.
Фотография кон. XIX в.

Случай из практики

Медицинская сестра Тамара Григорьевна Шевцова, уехавшая недавно за границу, рассказала нам однажды о необыкновенном случае в ее практике. Она работала тогда в больнице где-то на Таганке. К моему крайнему сожалению, я не помню сейчас ни номера этой больницы, ни фамилий больной и профессора, о которых пойдет речь.

* * *

Профессор вскрыл живот больной и увидел, что раковые метастазы пошли повсюду. Оперировать больную было бесполезно. Больная безнадежна. Зашили. Выдержали в больнице до заживания раны и выписали.

При выписке больная сказала профессору:

– Доктор, я теперь, конечно, здорова.

– Да, немножко подлечитесь дома и выздоровеете, – успокаивающе ответил профессор.

Прошло четыре года. В больницу поступает больная с аппендицитом. Каково же было удивление Шевцовой, когда она узнала ту женщину, которая была выписана из больницы в безнадежном состоянии! Фамилия тоже сошлась. Тамара Григорьевна просто не верила своим глазам.

– Вы оперировались у нас?

– Да, четыре года назад.

– А как вы себя чувствуете?

– Очень хорошо, если бы теперь не аппендикс.

Тамара Григорьевна начала подробно расспрашивать больную, как она чувствовала себя перед той операцией и после нее. Вот что поведала эта женщина.

– Перед операцией я чувствовала себя очень плохо. Постоянные боли в животе, рвота, отсутствие аппетита. Я очень похудела и ослабла. С надеждой молилась я Божией Матери о помощи. Вот, положили меня на операционный стол, сделали укол, и я исчезла. Потом вижу себя издали на операционном столе, профессор и ассистенты хлопочут надо мною. Мне захотелось выйти в коридор. В коридоре вижу идущую навстречу мне Божию Матерь.

– Я услышала твои молитвы. Ты будешь здорова, – сказала мне Божия Матерь. И я опять исчезла.

После операции я почувствовала себя совсем по-другому. Я ожила. С меня свалилась тяжесть болезни.

Тамара Григорьевна доложила об услышанном от больной профессору. Он отнесся к этому с большим недоверием и сказал:

– Вот буду оперировать, посмотрю.

Успешно окончив операцию, профессор, бледный, подошел к окну и... перекрестился.

Не умолчим никогда

Непослушание приводит к плохим последствиям. Это прописное правило известно всем детям и взрослым, однако далеко не все его выполняют.

Не выполнял его и мой сын Владимир, шестнадцатилетний мальчик, страстный рыболов. Застав его однажды в пионерском лагере стоящим с удочкой по пояс в холодной Москве-реке, я ему строго сказал, что этого делать не следует, можно сильно простудиться. Но он, как выяснилось позже, пренебрег моим наказом и в результате очень опасно заболел. В тяжелом состоянии он был отправлен в Боткинскую больницу, где его лечили опытные врачи под наблюдением профессора Вотчела*.

Лечение не было успешным. По выходе из больницы у него продолжались тяжелые

* Изобретатель замечательных, широко известных капель.

сердечные приступы. Тот же результат получился и после лечения в Институте ревматологии, где его лечили под наблюдением известного ревматолога Нестерова. Врачи сказали, что даже при улучшении состояния ему обеспечен пожизненный порок сердца. Сын был освобожден «по чистой» от службы в армии.

Можно представить, какая это была скорбь для нас, его родителей. Мы долго и неотступно молились перед иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в храме Преображения на Большой Ордынке. И хотя наши молитвы, казалось, были безрезультатны, мы не теряли надежды на помощь Божией Матери и продолжали еще горячее, еще неотступнее молиться. Наша молитва не была посрамлена. Владычица сжалилась над нами.

8 ноября 1961 года сын, как обычно, лежал и жаловался на сердце. Жена вышла ненадолго к соседям, а я собирался идти в храм к обедне к «Скорбящей», так как это был третий день празднования в честь этой иконы, и хотелось опять пойти помолиться.

Вдруг сын сказал:

– Папа, открой форточку, душно.

Я полез открывать форточку, которая была высоко. Открыв форточку, я оступился, сорвался со стула и упал на пол на руку, почувствовав невыносимую боль в руке, мгновенно распухшей.

Сын в испуге соскочил с дивана.

– Папа, что с тобой?

Боль в руке была ужасная, я не мог встать. Сын помог мне подняться. Я в изнеможении лег на кровать отдохнуть.

– Надо ехать к Склифосовскому, у тебя, наверное, перелом, – сказал сын и стал одеваться. – Я тебя провожу.

– Тебе же нельзя подниматься с постели! Что ты делаешь?! Ложись немедленно! – прокричал я.

Но сын меня не слушал. Оделся, помог мне надеть кое-как пальто и сказал твердым голосом, не терпящим возражения:

– Едем!

В Институте им. Склифосовского перелом подтвердился. Мне наложили гипс. Боль утихла.

– Я провожу тебя домой и сразу поеду к «Скорбящей», – сказал я.

– Поезжай к «Скорбящей», – ответил сын, – а я сам поеду домой. Со мной ничего не случится. Привез же я тебя сюда.

Возражать было бесполезно. Сын настаивал, чтобы я немедленно ехал в храм благодарить Пречистую, так как он чувствовал себя хорошо.

На другой день, 9 ноября, я повез сына в Институт ревматологии, так как на этот день нам перед праздниками дали путевку для повторного лечения сына.

Приезжаем в приемное отделение. Сына осматривает врач, лечивший его ранее. Удивленно пожимает плечами, напевая себе под нос какой-то мотив. Звонит по телефону, просит спуститься в приемное отделение двух других врачей. Те, в свою очередь, осматривают сына, пожимают плечами, переглядываются, расспрашивают наперебой сына о самочувствии. Снимают электрокардиограмму, опять осматривают. Лечащий врач говорит:

– Пусть он побудет пока дома. Сейчас у него вполне нормальное сердце.

Когда мы вышли из института, сын сказал мне:

– Надо немедленно ехать к «Скорбящей», благодарить за исцеление.

– Сейчас два часа дня, – ответил я ему, – храм закрыт. Поедем к святителю Алексию,

Преображенский храм на Большой Ордынке.
Здесь находится чудотворный образ Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Фотография кон. XIX в.

мы ведь тоже просили его молитв об исцелении.

Мы поехали в Богоявленский собор, приложились к мощам святителя Алексия и благодарили его за оказанную нам помощь. Само собой разумеется, что мы были потом с горячим благодарением у «Скорбящей». Я и жена каждый раз, когда бываем у «Скорбящей», благодарим Пресвятую Богородицу за Ее милости к нам, грешным. Они не ограничились исцелением сына.

В самом конце 1961 года я стал страдать непроходимостью пищевода. Пища застревала где-то в середине пищевода и хотя проглатывалась мелкими, хорошо разжеванными кусочками, но с большой болью в пищеводе. Есть хотелось, но есть было почти невозможно. На меня нашла тоска. В таком удрученном настроении я пошел в Рождественский сочельник утром к «Скорбящей», чтобы помолиться о помощи. Становлюсь на левый клирос для пения. Из алтаря выходит иподиакон Геннадий (теперь он протодиакон), идет прямо ко мне и говорит:

– Идемте со мной, сейчас облачитесь в стихарь и будете прислуживать: у нас не вышел один иподиакон.

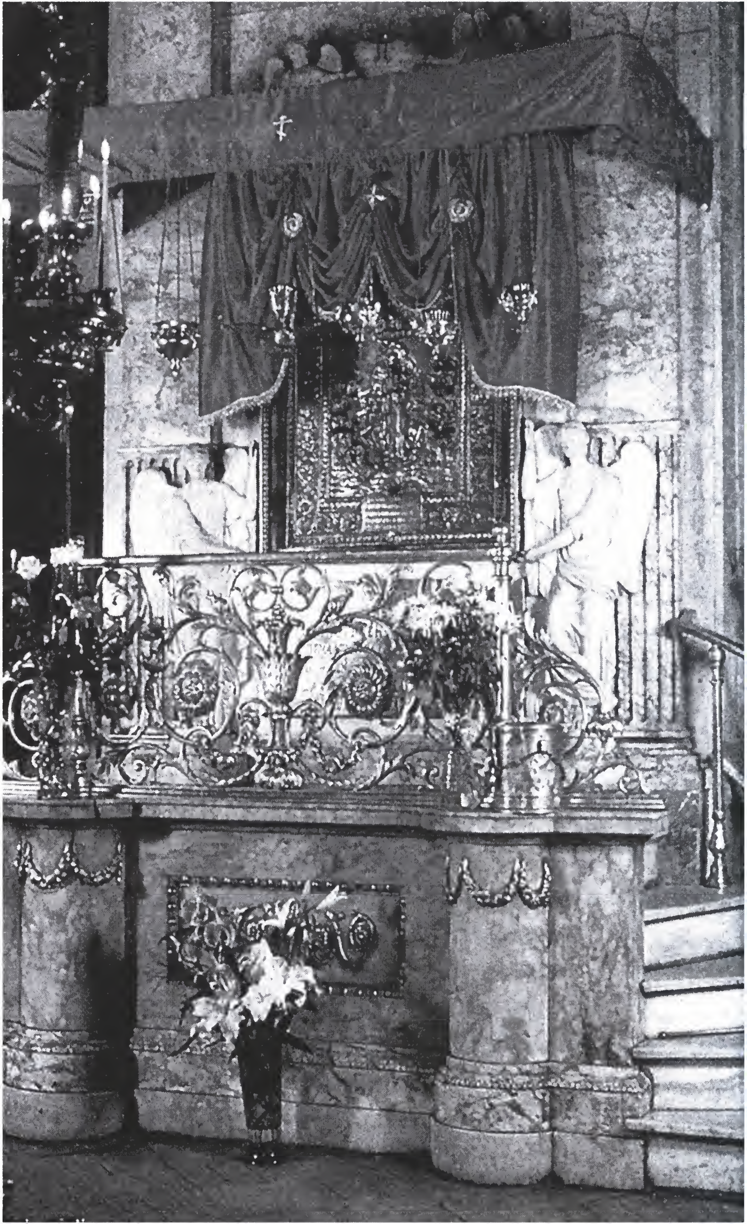
Я облачился. Мне дали нести архиерейский омофор во время аллилуария. Когда я нес омофор и после, когда стоял с ним в алтаре при чтении Евангелия, я чувствовал себя как на небе, бесплотно.

Возвратясь домой, я с опаской, как всегда в последние дни, приступил к еде. Пища проходила свободно. Никакой боли и стеснения. Как будто со мной ничего до этого не было. Я ликовал и со слезами благодарил нашу Заступницу.

В последующем в разные годы у меня дважды повторялась такая же непроходимость пищевода, и каждый раз я получал исцеление после усердной, горячей молитвы перед иконой «Всех скорбящих Радость» на Ордынке.

У нас сложилась традиция: обязательно посещать Скорбященский храм в дни празднования 5, 6, 7, 8 ноября в честь первого исцеления от иконы Богоматери тяжко болящей Евфимии триста лет назад, и еще и еще раз благодарить Владычицу за исцеления наших болезней.

Сыну сейчас пятьдесят лет. Лет пять назад он свободно и безболезненно поднимал до девяноста килограммов. Как-то раз его

вызвали на медицинское переосвидетельствование. После всестороннего обследования врач-кардиолог сказал:

– Я не верю, что у вас был ревмокардит. Это какая-то ошибка.

Мы-то знаем, что это за «ошибка», и снова и снова благодарим Пречистую Богоматерь. И никогда не умолчим говорить об этом.

Икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в Преображенском храме на Большой Ордынке.
Современная фотография

Крещенская вода

В беседах нередко бывает: начнут об одном, а закончат совсем о другом. Потом удивляются, как далеко ушли от начатой темы.

Так получилось и в этот раз: начали о летнем отдыхе, а затем, к слову пришлось, разговорились о человеческой душе. Один из собеседников сказал:

– Чужая душа – потемки. Эта старая истина особенно справедливо заявила о себе в недалеком прошлом, когда человек далеко не все мог сказать, что у него на душе.

– Правильнее будет сказать: потемки извне, – заметил другой собеседник, – а еще правильнее: чужая душа – уравнение с неизвестными, так как «душа» и «потемки» далеко не синонимы. Справедливость своей формулировки поясню примером.

У нас в институте работал кандидат экономических наук Марк Маркович. Это был

многогранно образованный, высокоодаренный человек, обладавший к тому же изумительной памятью. Он цитировал наизусть целые страницы из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, из сочинений классиков художественной литературы, из Священного Писания. Мог подолгу аргументированно и интересно говорить на любую гуманитарную тему.

Однажды, незадолго до какого-то церковного праздника, секретарь парторганизации предложил Марку Марковичу провести атеистическую беседу. Марк Маркович наотрез отказался, ссылаясь на то, что он совершенно несведущ в вопросах религии, что он профан и невежда в этом отношении. Сколько ни старался убедить его секретарь в том, что Марк Маркович успеет для беседы что-нибудь прочесть, что при его эрудиции беседа получится отличной, ничего не помогло – секретарь получил категорический отказ.

Кто знает, быть может, не потемки были на дне души Марка Марковича, а светлое «Святая святых», доступное только первосвященнику. Икс не был найден. Уравнение осталось нерешенным.

Включилась в разговор собеседница, внимательно слушавшая высказывания своих товарищей.

– Можно согласиться, – сказала она, – что чужая душа – уравнение с неизвестными, но надо добавить, что эти неизвестные: иксы, игреки, зеты и т. д. – вдруг становятся известными, сияя неизреченным светом. Казалось бы, засохшая неизвестная сторона души исцеляется, оживает и расцветает, как библейский жезл Аарона. Я тоже поясню это фактом, свидетельницей которого мне довелось быть.

В нашей министерской квартире в 50-х годах жил видный работник А.А. Он и его жена Т.М. отличались добротой и какой-то органичной тактичностью по отношению к окружающим. А.А. приходилось очень много работать. Он уезжал на работу около десяти часов утра, а возвращался в четыре, а нередко в пять часов утра. Естественно, что такая нагрузка не могла пройти бесследно для его здоровья. Он слег, опасно заболев бессонницей и сердечной болезнью.

Возможно, что при его состоянии он был нетранспортабелен для помещения в больницу, а может быть, сам не пожелал туда

ехать, но только он остался дома. Каждый день к нему являлся врач. Каждый день, к вечеру, их приходящая домашняя работница приносила пять кислородных подушек, которые к утру расходовались.

Однажды Т.М. попросила меня срочно дать ей для А.А. стакан воды, так как она не может отлучиться от больного. Я с ходу налила из графина, стоявшего на столе, стакан Крещенской воды и с мысленной молитвой: «Господи, верю, Ты все можешь, если хочешь. Дай ему исцеление», – подала Т.М.

В те времена говорить о вере в Бога, тем более с руководящими работниками, было неудобно. Поэтому с Т.М. на эту тему я никогда не говорила. Т.М. не знала, что я верующая, и, естественно, не знала, какую воду я ей дала. На другой день утром, когда я уходила на работу, мне бросилось в глаза, что кислородные подушки висели в прихожей нетронутыми, и поразило отсутствие обычной в последние дни суеты, все было тихо. На ходу промелькнула мысль: «Не умер ли?»

Когда в обеденный перерыв я пришла домой, Т.М., какая-то порозовевшая, спокойно спросила меня:

– Что вы дали мне вчера в стакане?

– Крещенской воды, – ответила я.

Т.М. вздрогнула, слезы ручьями потекли из ее глаз. Она бросилась мне на шею, обнимала и целовала меня, повторяя:

– Спасибо, спасибо, спасибо...

Вечером она мне рассказала:

– А.А. чувствовал себя, как в последние дни, плохо. Вдруг попросил попить воды. Я ему дала из вашего стакана. Случилось необычное для этих дней: он спокойно и крепко заснул и проснулся лишь днем. Первыми его словами были: «Т., что ты мне дала вчера попить? Я попил, и мне вдруг стало так легко и даже радостно, никакой боли и тяжести на сердце, голова какая-то свободная и беззаботная, и я заснул так, как спал только, наверное, в детстве».

Врач, очень удивившийся происшедшей положительной перемене в состоянии А.А., сказал:

– Дело идет на поправку.

Вскоре А.А. совершенно выздоровел и приступил к работе. Я заметила, что Т.М. стала относиться ко мне особенно тепло, но никогда не говорила о Крещенской воде. Как будто ничего не произошло. Однако я чувствовала, что в ней произошла какая-то светлая перемена.

Как-то раз домработница готовила к стирке белье. Когда стала выворачивать наизнанку наволочку Сереженьки, двухлетнего сынишки Т.М., на стол выпал нательный крестик. Домработница недоуменно пожала плечами и с удивлением, посмотрев на меня, сказала:

– Непонятно, откуда этот крестик?

Я ничего не ответила, но подумала: «Это Т.М.»

Шло время. Однажды к Т.М. и А.А. приехала погостить А.М., сестра Т.М. Это была простая, добродушная женщина. Настоящая русская душа, какие уже в то время встречались все реже и реже. Она быстро покорила меня своей открытостью и бесхитростностью. Мы подружились.

Один раз мы разговорились с ней о вере в Бога.

– Я – верующая с детских лет. Так воспитывали нас родители, – сказала А.М., – а вот Т. под влиянием атеистической пропаганды и окружения, в котором она оказалась, отошла от веры. А ведь когда-то пела в церковном хоре. Как я рада, что теперь она, между нами говоря, снова верующая! Видно, Господь ее призвал.

– Как же это случилось? – спросила я.

– А.А. чудесно исцелился от тяжелой болезни. Она раскаялась в своем отступничестве, исповедалась и причастилась. В благодарность за исцеление А.А. дала обещание крестить Сереженьку и это обещание выполнила.

Я не стала из тактичности расспрашивать А.М. о подробностях. Да в этом и не было необходимости: подробности мне были известны. Однако одно уравнение с неизвестными осталось нерешенным. Это – А.А. Осталось неизвестным: узнал ли А.А., что дала ему пить Т.М.? Если узнал, то как к этому отнесся? И вообще, что у этого спокойного, терпеливого, необыкновенно тактичного человека хранилось в тайниках души? Все это осталось неизвестным.

Но какова же святая благодатная сила Крещенской воды! Эта сила исцелила тяжело болящего, возвратила Церкви Божией отошедшую от нее, привела к Святому Крещению младенца!

Собеседница замолчала... Все задумались... Заговорили, кто куда пойдет за Крещенской водой.

«Целительница»

Сегодня, в день празднования в честь иконы Божией Матери, именуемой «Целительница», хочется сообщить о вспомнившемся случае чудесной помощи Богоматери в наше время.

К одной молящейся на всенощной в храме Воскресения в Сокольниках подошла женщина и спросила:

– Вы не знаете, где здесь икона «Целительница»?

– Знаю, я проведу вас к ней, но сейчас много народа, не стоит толкать и беспокоить людей. Давайте лучше подождем.

Когда народу поубавилось, женщины подошли к малозаметной иконе, перенесенной сюда из храма на Преображенской площади, уничтоженного в 1964 году.

Женщина, спрашивавшая об иконе, встала на колени и усердно молилась перед ней.

Когда она кончила молиться и приложилась к иконе, первая женщина спросила ее:

– У вас, наверное, кто-то болен?

– Слава Богу, теперь никто не болен. Была тяжко больна я, но Божия Матерь исцелила меня, – женщина заплакала, вновь встала на колени и опять стала восторженно молиться.

Видно было, что это – молитва благодарения. После молитвы она поведала следующее:

– Я тяжело заболела. Мне предстояла очень сложная операция. Врачи предупредили, что в успешном исходе операции они не уверены, но другого способа лечения нет.

Я стала горячо молиться Божией Матери о помощи. И вот во сне я увидела пришедшую ко мне нашу Заступницу. Во мне все сразу как-то перевернулось. Я не могу точно выразить словами, что со мной произошло. Одно совершенно ясно: мне было необыкновенно легко.

– По твоей вере ты получишь исцеление, – сказала Она, – будь здорова и благодари Меня в Сокольниках перед иконой «Целительница».

На этом сон прервался. Я проснулась, полная радости.

Храм Воскресения Христова в Сокольниках.
Современная фотография

Я выздоровела без операции, что крайне удивило врачей.

Вот я и пришла благодарить «Целительницу», и буду Ее всегда благодарить.

Об этом мне рассказала женщина, показавшая исцеленной икону «Целительница». Однако эта женщина была так поражена чудом, что не спросила у исцеленной ни имени, ни фамилии, ни чем она была больна. Но, видно, так и надо. Что дано по вере – основано на вере, требует веры и не нуждается в дополнительных доказательствах.

Счастливы и блаженны имеющие горячую веру. Они получают то, что недоступно маловерам.

Господи, умножь в нас веру!

От Иверской

Было начало второй половины короткого зимнего дня. Протоиерей отец Димитрий, настоятель храма Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова под Вязом (на Новой площади. Сейчас в этом здании Музей истории и реконструкции города Москвы)*, только что закончил подготовку проповеди на очередной воскресный день и хотел прилечь отдохнуть, как вдруг у парадной двери позвонили.

«Кто бы это мог быть?» – подумал отец Димитрий и на всякий случай надел рясу.

– Батюшка, вас спрашивает какой-то незнакомый господин, – сказала горничная Вера, постучав в дверь кабинета.

Отец Димитрий пошел в переднюю. Там он увидел интеллигентного, молодого, но совершенно лысого человека.

---

* Ныне входит в состав Патриаршего подворья в Зарядье. Богослужения не возобновлены. – *Ред.*

– Батюшка, я пришел к вам исповедаться и причаститься.

– Приходите завтра к обедне.

– Не могу, у меня очень срочное дело.

– Ну, тогда пойдемте в храм.

Отец Димитрий зашел к церковному сторожу за ключами и привел незнакомца в храм.

– Прежде чем начать исповедь, я хочу узнать, что у вас за срочное дело.

– Я сейчас поеду на Ваганьковское кладбище и там застрелюсь. Но перед этим я хочу покаяться в этом своем тяжком грехе и причаститься.

– Если вы действительно раскаиваетесь в вашем поистине очень тяжком намерении, то вот сейчас перед крестом и Евангелием откажитесь от своего намерения – только тогда я смогу быть свидетелем вашего покаяния и разрешить вас от вашего греха.

– Батюшка, я этого сделать не могу, я твердо решил покончить с собой.

– Что заставило вас принять такое решение?

– То, что я – лысый. Эта мысль меня постоянно преследует. Даже ночью мне снятся тяжелые сны, напоминающие мне о том, что я лысый. Я попробовал лечиться перуином – средством, столь рекламируемым в газетах

и журналах, пробовал лечиться другими средствами – ничего не помогает. Мне советовали носить парик, но мысль, что, нося парик, я буду обманывать людей, меня еще больше угнетает. Я очень люблю детей, хочу, чтобы у меня была хорошая семья, но за меня не идут замуж из-за того, что я лысый. Даже на службе из-за того, что я лысый, ко мне относятся с каким-то опасением и предубеждением.

– Вот что, мой дорогой, я исповедую и причащу вас тогда, когда вы поистине раскаетесь в этом ужасном грехе и забудете о самоубийстве. А теперь вы обязательно исполните мой совет: пойдите прямо сейчас к Иверской и попросите Божию Матерь с умилением и слезами и с той верой, с которой вы, наверное, молились о своих нуждах в детстве. Помолитесь, чтобы Богоматерь помогла вам избавиться от вашего кошмара и греха.

Отец Димитрий с большим чувством благословил молодого человека:

– Да будет наша Заступница с вами!

Отец Димитрий заметил, что молодой человек ушел несколько успокоенным.

Прошло месяца два. Однажды после обедни, когда отец Димитрий давал крест, ко

кресту подошел молодой человек и радостно спросил отца Димитрия:

– Батюшка, узнаете ли вы меня?

Отец Димитрий, хотя и с трудом, узнал приходившего к нему исповедоваться: голова его была украшена порослью густых волос.

– Узнаю и готов вас исповедовать, как только все приложатся ко кресту.

Молодой человек рассказал отцу Димитрию следующее:

– Я вышел тогда от вас несколько успокоенным, но с твердым намерением застрелиться. Револьвер лежал у меня в кармане. К Божией Матери в Иверской часовне я обратился с короткой молитвой. Молился со слезами и просил: «Пресвятая Владычица, прости и спаси меня». Вышел из часовни и – прямо на извозчика: «Вези к Ваганьковскому кладбищу». Больше я ему ничего не сказал, был очень расстроен.

Везет меня извозчик да нет-нет – оглянется на меня, как будто хочет что-то спросить. Было уже совсем темно, когда подъехали к кладбищу. Извозчик опять повернулся ко мне и спрашивает:

– Где остановиться? Может быть, вы к бабушке едете?

– К какой бабушке?

– А вот тут неподалеку живет, все Богу молится, пользует, у кого волосы не растут.

Мне почему-то стало стыдно.

– Да, я к ней, – ответил я, смутившись, – только не знаю точно, где она живет.

Пропускаю подробности встречи с дряхлой старушкой и лечения. Вы, батюшка, видите его результат. Истинно каюсь в моем грехе и благодарю Божию Матерь за явную Ее помощь.

Отец Димитрий совершил исповедь и Причащение Святых Христовых Таин. После Причащения сияющий причастник со слезами на глазах сказал отцу Димитрию:

– У меня сейчас так светло, легко и радостно на душе, как еще никогда не было. Владычица и для меня – самого грешного – отверзла райские двери.

Отец Димитрий велел причастнику немедленно пойти к Иверской и отслужить благодарственный молебен.

Григорий Иванович и его друзья

«Скорая помощь»

В одну из весенних ночей 1908 года вдоль Серпуховки бежал по направлению к Стрелке* человек, одетый весьма просто: поддевка, сапоги, картуз. У Стрелки его остановил городовой:

– Откуда, куда, почему бежишь?

– Я сторож церкви Вознесения. Матушка послала меня в Павловскую больницу** за доктором. Батюшка отец Алексий задыхается.

* Серпуховка – Серпуховская улица. Стрелка – так называли окрестные жители место, где в Серпуховку вливается Павловская улица. Это между Арсеньевским и 1-м Щипковским переулками. В этом месте строения между сходившимися Павловской и Серпуховской улицами сужались, образуя в плане как бы стрелу.

** Павловская – ныне 4-я городская больница, находится на Павловской улице.

– Зачем тебе бежать в Павловскую больницу? Вот рядом, в переулке, в третьем доме за аптекой, живет доктор Смирнов. Молодой, но, говорят, хороший.

– Иван! – крикнул городовой дежурившему неподалеку дворнику. – Сведи его к доктору Смирнову.

Вскоре городовой увидел сторожа и доктора, торопливо выходивших из переулка. У аптеки они взяли извозчика и помчались к храму.

Промысл Божий

Второй священник церкви Вознесения Алексий* заболел внезапно. К вечеру он почувствовал боль в горле, жар. Ночью горло распухло, и дышать стало трудно. Матушка, отослав церковного сторожа за доктором, опустилась на колени перед киотом с иконами и стала молиться. Во время молитвы во

* Алексей Иванович Фаворский; после кончины в 1918 году настоятеля храма протоиерея Иоанна Разумовского назначен на его место. Отец Алексий – любимый батюшка прихожан – был поистине образцом кротости и трудолюбия. В годы разрухи я неоднократно видел его, смиренного, невозмутимого, с метлой и совком, убирающего мостовую и тротуар возле церковной ограды.

входную дверь квартиры позвонили. Матушка открыла дверь. Вошел незнакомый молодой человек лет двадцати шести, выше среднего роста, хорошо одетый, широкоплечий, с карими глазами, с небольшими усами и короткой эспаньолкой, очень шедшей к его приветливому взору и доброй улыбке.

Это был врач Григорий Иванович Смирнов. Осмотрев больного, он коротко спросил:

– Дети есть?

– Есть.

– Большие?

– Нет, маленькие.

– Здоровы?

– Здоровы.

– Где их комната?

Матушка показала отдельную комнату, где спали дети.

– Немедленно забирайте детей и уезжайте куда-нибудь к родным или знакомым. У батюшки – дифтерит. Есть кому остаться ухаживать за батюшкой?

– С нами живет моя сестра. Сейчас спрошу ее: останется ли?

Вера Ивановна – так звали девушку – охотно согласилась остаться.

Павловская больница.
Современные фотографии

Врач прописал лекарства, дал Вере Ивановне необходимые наставления об уходе за больным и ушел...

Дифтерит у отца Алексия был в тяжелой форме. Григорий Иванович регулярно приходил к больному. Лечение, с Божией помощью, проходило успешно, чему способствовал весьма заботливый уход Веры Ивановны, аккуратно и точно выполнявшей все указания врача...

Когда отец Алексий выздоровел, Григорий Иванович сделал предложение Вере Ивановне и попросил ее руки у ее матери (отца не было в живых). Согласие было дано. Осенью отец Алексий обвенчал Григория Ивановича с Верой Ивановной, и они зажили душа в душу. Однажды в компании знакомых и друзей Григорий Иванович сказал:

– Моей превосходной свахой был дифтерит. Но, впрочем, это в шутку. Если вдуматься глубже, то для меня и для Веры Ивановны в болезни отца Алексия я вижу Промысл Божий.

Григорий Иванович

Известность Григория Ивановича как очень опытного врача с широкой эрудицией быстро распространилась по нашей округе. Его наперебой приглашали к больным. Вскоре он поступил ординарным врачом в Павловскую больницу, куда переехал с Верой Ивановной. Наряду с работой в больнице Григорий Иванович имел большую частную практику.

Григорий Иванович очень любил детей, может быть, потому, что у него их не было. Поэтому он перешел в детское инфекционное отделение больницы, где потом стал заведующим. Дети, чувствуя глубокую любовь к ним Григория Ивановича, не оставались в долгу и по-своему выражали бесхитростную ответную любовь. Говорили, что, когда он утром входил в свое отделение, выздоравливающие дети, ласкаясь, буквально облепляли его. Каждый норовил о чем-то спросить и тут же получал ответ, нередко шутливый и всегда ласковый. На улице Григорию Ивановичу приходилось почти все время повторять слово «здравствуйте», отвечая на приветствия прохожих – родителей

его пациентов, самих пациентов либо бывших пациентов. Зачастую его останавливали для получения тут же на улице врачебной консультации. Он иногда шутливо говорил, что для быстроты уличного передвижения ему неплохо бы иметь шапку-невидимку.

Друзья

Григорий Иванович был частым богомольцем Троицкого собора Данилова монастыря. В монастыре он подружился с иеромонахом Иасоном и иеродиаконом Виталием. Он подолгу беседовал с ними, гуляя после службы по аллее монастыря. Почти всегда приносил им какие-нибудь гостинцы.

Основой дружбы высокообразованного врача с простыми монахами являлось, видимо, сходство их характеров. Все трое были добродушными, веселого нрава и очень любили шутить. Однако эта веселость далека была от легкомыслия и маловерия. Несмотря на многие скорби и испытания, перенесенные отцом Иасоном и отцом Виталием, они всегда оставались верны Церкви, а отец Виталий*, говорят, сподобился даже мученической кончины.

* Евграфов, расстрелян в 1937 г.

Ко всему, что касалось благочестия в храме, отец Иасон относился со строгой ревностью. Однажды Коля Журко мне поведал, как после службы он и его брат Миша разбаловались в алтаре. Неожиданно в алтарь вошел отец Иасон. Увидев непристойное поведение братьев, он резко и строго осадил их и дал каждому по хорошему подзатыльнику.

«Ну, теперь Владыка* выгонит нас и запретит нам прислуживать», – с большой тревогой подумал Коля. Но ничего подобного не случилось. Не таков был отец Иасон. При каком-либо непорядке в храме он тут же чинил строгую расправу сам и никогда никому не жаловался. О проступке братьев отец Иасон также не сказал ни Владыке, ни наместнику отцу Герасиму, и Коля с Мишей продолжали выполнять свою детскую службу.

Отец Иасон и отец Виталий монашествовали давно. Они запомнились мне еще со времени настоятельства архимандрита Иоакима. Отец Иасон** был не выше среднего роста и очень полным. Он был уже в пожилом возрасте. Волосы и борода у него были густые и седые, но глаза смотрели

---

* Архиепископ Феодор (Поздеевский), настоятель Данилова монастыря, расстрелян в 1937 г.

** Смирнов, умер в 30-е гг.

жизнерадостно, даже весело, а голос – тенор – был чистый и звонкий. Его выразительные возгласы и чтение, особенно чтение шестопсалмия, привлекали своей монастырской простотой. Проповедей он, кажется, не произносил. Когда к нему обращался кто-нибудь из богомольцев за советом, он начинал свой ответ с того, что говорил: «Это дело обоюдоострое». Запомнилась его своеобразная походка. Он ходил очень бодро, четко отбивая каблуками шаг. Бывало, идешь по тротуару у Павловской больницы и слышишь далеко за собой: «чок-чок», «чок-чок». Думаешь: наверное, идет отец Иасон. Оборачиваешься: точно так, это – он.

Отец Виталий по своей внешности был противоположен отцу Иасону. Он был намного моложе отца Иасона и худощав. Туловище у него было перекошено, отчего он сильно прихрамывал; голова вытянутая, как бы немного сплющенная с боков; волосы редкие, с плешью; голос глухой. Если от отца Иасона так и веяло здоровьем, то отец Виталий производил впечатление нездорового, несчастного человека. Однако недуг не одолел его, и он был так же жизнерадостен, как и отец Иасон. Отец Виталий и отец Иасон

были большими друзьями. Они почти не разлучались. Когда из монастыря шел куда-нибудь отец Иасон, его догонял, прихрамывая, отец Виталий.

«Даниловский филиал»

Григорий Иванович по субботам и накануне больших праздников приглашал к себе, на обширную квартиру в больнице, своих друзей – отца Иасона и отца Виталия – служить всенощные для его престарелой больной тещи, никуда не выходившей из дома. Ко всенощным приходили пожилые соседи, набиралось до двадцати молящихся. Все они были очень благодарны Григорию Ивановичу за доставляемую им духовную радость. Григорий Иванович подчас шутил, что у него на квартире открыт «Даниловский филиал». Так продолжалось до кончины тещи.

Диагноз

Вскоре после войны скончалась Вера Ивановна, и Григорий Иванович остался бобылем. Одиночество не сломало его. Каждый день в одно и то же время он, подтянутый,

прямой, хорошо и опрятно одетый, шел с сумкой в магазины; приветливо здоровался со знакомыми и, несмотря на свою занятость на работе и по самообслуживанию, находил время помочь каждому, кто обращался к нему с просьбой по лечебным нуждам. Это был подлинно народный врач.

Как-то летом, году в 1955-м, я встретил Григория Ивановича на улице. Разговорились. Я спросил, как он себя чувствует.

– Сейчас – слава Богу, но скоро наступит трудное для меня время и придет конец земной жизни. У меня рачок.

– Что вы, Григорий Иванович, по вам это не видно. Выглядите вы хорошо.

– Это – пока, но рачок у меня есть, и застарелый. Я, как врач, это хорошо знаю, все симптомы у меня налицо.

– Что-то не верится. Вы так спокойно говорите, как будто дело касается не вас, а кого-нибудь из пациентов.

– Спокойно говорю потому, что я уже прожил свою жизнь – мне за семьдесят, – и прожил ее неплохо. Правда, в конце, по воле Божией, придется помучиться, но это для покрытия моих грехов, а там – вечная жизнь.

Основа здоровья

Мне не хотелось продолжать, возможно, неприятный для него разговор о его здоровье, и я сказал:

– Григорий Иванович, я давно хотел вас спросить: от чего, в основном, зависит здоровье человека?

– От душевного равновесия и спокойствия. Это скажет вам, пожалуй, любой врач. А душевное равновесие и спокойствие зависят от духовного настроения человека, от его нравственного состояния. За время моей долголетней врачебной практики мне пришлось наблюдать многих людей, и я, как врач, должен засвидетельствовать, что русскому человеку лучший духовный настрой, лучшее нравственное состояние дает Христос. Христос дисциплинирует, Христос учит подлинному самоотвержению, жизни для других, это – основа для бесконфликтной, спокойной жизни. Ведь причиной нервозности, раздражительности, конфликтов, в конце концов, является себялюбие, эгоизм, жизнь для себя. Такая жизнь не ведет к спокойствию и душевному равновесию. При такой жизни человек не может быть здоровым нравственно, а следовательно, и физически.

Конечно, жизнь для других, самоотречение – это тяжелое иго и бремя для эгоиста. К такому бремени приучает Христос. Помните святые Его слова: *...научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть**. Мне возразят, что жить для других человек может и без Христа – все зависит от того, как он воспитан. Я на это отвечаю, опять-таки как врач, наблюдавший многих людей: воспитание без Христа ничего не дает русскому человеку. Помните, с каким сожалением восклицает Александр Блок: «Свобода, свобода эх, эх, без креста!»**. Без Бога русский человек в своей массе неизбежно скатывается к жизни для себя со всеми ее отрицательными для нравственности последствиями. Русскому человеку нужен Бог, как воздух нужен. Это хорошо поняли наши предки, принявшие Православную веру.

---

* Мф. 11, 29–30.

** *А. Блок.* Поэма «Двенадцать».

Причины выздоровлений

– Григорий Иванович, я хочу вас еще спросить: отчего выздоравливает больной?

– Ваш вопрос не простой и не праздный. Отвечу на него так: больной выздоравливает от лекарств, от хирургического скальпеля, от крепости организма и от духа. Известная пословица «В здоровом теле – здоровый дух» не всегда верна. Иногда оказывается, что в больном теле – здоровый дух. В лечебной практике нередки случаи, когда безнадежный больной, приговоренный консилиумом врачей к смерти, вдруг неожиданно для этого консилиума выздоравливает. Консилиум учел действие лекарств, учел сопротивляемость организма, но не учел силу духа, которую вообще трудно да и невозможно учесть. Это похоже на войну. Даже гениальные полководцы ошибались, когда они, думая, что победят только количеством войск и силою оружия, и не учитывая духовную силу противника, проигрывали сражения и целые войны. В истории таких примеров достаточно. *Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя**, – говорит нам Евангелие.

* Лк. 1, 35.

Это часто и происходит с выздоравливающим безнадежным больным. Врач должен проникать в сокровенные тайники больного. И вот, когда начинаешь проникать в эти тайники, видя, как безнадежный больной вдруг выздоровел, неожиданно для себя узнаешь поразительные вещи. Доверительно расспрашивая больного или его близких, узнаешь, что об этом больном усердно, со слезами молились, и он получил исцеление.

Или узнаешь, что больного помазали маслом из лампады преподобного князя Даниила – и больной получил исцеление. Третьему принесли в больницу артос, и он его с верой принимал, и получил исцеление. Четвертого соборовали, исповедовали и причастили Святых Христовых Таин, и он получил исцеление. Исцеления! Исцеления явные! Врачи тут ни при чем. Это известно многим врачам, и поэтому верующие врачи – не редкость. Велика сила Таинства Исповеди, велика сила Причащения Святых Христовых Таин. Человеку эту тайну не постичь, он может только ощутить на себе действие этой силы. Говорят: «Мы заменим церковные обряды обрядами гражданскими». Но кто так говорит, тот не знает, что

в Церкви, кроме обрядов, есть еще святые Таинства, которые ничем не заменишь. Здесь действует Божественная благодать. И вот эта-то благодать, «немощные врачующая и оскудевающие восполняющая...», и поднимает безнадежно больного с постели...

В это время к нам подошел какой-то знакомый Григория Ивановича, и разговор перешел на другую тему, интересовавшую подошедшего.

Преставление

Если мне не изменяет память, в 1957 году я узнал о кончине Григория Ивановича. Он умер от рака желудка. Только он ошибся, ожидая мучений в покрытие своих грехов. Говорили, что он скончался спокойно, заснув сном праведника.

Святой обычай

К северу от Святых врат монастыря, сразу же за монастырской школой и Даниловским тупиком, находилось малонаселенное место, состоявшее примерно из десятка-полутора небольших домов, разрезанных коротенькими переулками. Здешние жители называли это место Даниловской слободкой. Теперь от слободки не осталось и следа. На этом месте большой морг и неподалеку от него крупное пятиэтажное здание в современном стиле учрежденческого типа. В то время, когда я учился в монастырской приходской школе, среди пожилых жителей слободки был обычай: начиная большое важное дело, идти в монастырь «благословиться у Князя». Благословлявшийся приходил в храм Вселенских Соборов, брал свечу по своему достатку, ставил ее у мощей Князя, припадал на колени, усердно прося помощи в предстоящем деле,

прикладывался к мощам и уходил, уверенный в успехе. Как-то раз я спросил у одного старика – жителя слободки:

– Давно ли люди ходят «благословляться у Князя»?

– Не знаю, касатик, – ответил мне старик. – Мой дед говорил, что его прадед, когда захотел построить новую избу (а ставить-то, почитай, было некому – он да его безусый малец-внук), пошел «благословиться у Князя». Веришь ли: вдруг приехали из Коломенского* два его зятя. Говорят: «Может, что помочь надо?» Прапрапрадед – так он, верно, мне доводится – отвечает: «Вы-то поможете, а кто же вам в деревне поможет, ведь сейчас – лето?» «Ничего, – говорят, – бабы там с садами да огородами управятся». И помогли зятья, да так споро, что прапрапрадед диву дался.

Старик немного помолчал, а потом добавил:

– Без благословения Князя, голубок, нашим слободчанам пользы в большом деле не будет.

* Село километрах в четырех от монастыря. Ныне – район Москвы.

Кто знает, быть может, этот обычай и неофициальное название «Даниловская слободка», передававшиеся из поколения в поколение с давних пор, уходят своими корнями ко временам милостивого, добросердечного, особенного Князя, дававшего здесь и в новограде Московском приют всем приходившим сюда от татарского насилия и от невзгод и бед княжеских междоусобий. А здесь были любовь, благодать и мир. И святой Князь всех благословлял, всем помогал и о всех молился.

Рака с мощами святого благоверного князя Даниила Московского в храме Святых Отцов Семи Вселенских Соборов Данилова монастыря. Современная фотография

По Промыслу Божию

В действующем Малом храме Донского монастыря есть икона святого благоверного князя Даниила Московского. Икона перенесена сюда из часовни Данилова монастыря, находившейся в самом начале Большой Тульской улицы. Были неоднократные случаи исцелений, получаемых верующими, притекающими к этой иконе в Донской монастырь с горячей молитвой угоднику Божию о помощи. Поэтому икона здесь особо чтится, и уже давно был введен обычай: после всенощных петь тропарь князю Даниилу.

Как-то в начале 80-х годов после пения тропаря к регенту хора отцу Иоанну* подошла какая-то женщина и с раздражением сказала:

– Что за чепуху вы поете: «лучами света твоего озаряя обитель твою», – когда обители давно уже нет.

---

* Архимандрит Даниил (Сарычев; †2006).

Я не разобрал начало ответа отца Иоанна, лишь отчетливо услышал заключительные его слова: «...на всё воля Божия».

* * *

И вот совершилось чудо. Неожиданное. По молитвам святого Даниила вновь возрождается из запустения его обитель. Сбылись вещие слова кондака святому: «Никакоже забывая чад твоих, но милостивно посещая и глаголя им: аз есмь с вами, и никтоже на вы». Для нас, верующих москвичей, это не просто событие – это знамение. Знамение того, что святой Даниил не забыл свою родную Москву, вновь посетил ее, молится за нее, и мы верим, что по его молитвам Бог сохранит от гибели наш дорогой, родимый град: «никтоже на вы». Залог и знак этому – возрождающаяся обитель.

11 сентября 1983 года, накануне дня памяти князя Даниила, мне посчастливилось быть на первой всенощной в восстанавливающемся монастырском храме Вселенских Соборов. В храме – голые стены, на полу – строительные отходы. В Даниловском приделе (он же Кассиановский) было несколько прибрано, на полу настланы большие фанерные щиты, поставлен аналой с иконой святого и перед

ним – подсвечник с немногими свечами. Две свечи прилеплены к стене арки, в которой когда-то лежали мощи Князя. Свет свечей скудно освещал лишь место в приделе, где шла всенощная. В остальном большом пространстве храма – мрак. Все напоминало катакомбы первых веков христианства.

Пели человек шесть братии восстанавливающегося монастыря. Монашеское пение слабым эхом отдавалось в дальних, покрытых мраком углах храма. Прислушавшись к эху, я заметил, что оно звучит бóльшим числом красивых высоких голосов.

Ярко вспомнилось одно из моих посещений этого храма в 1919 году. Была осень. Будни. Шла всенощная. Молящихся очень мало – человек двадцать. Пели пять или шесть монахов. И точно так же отдавалось в дальних углах бóльшим числом красивых голосов эхо. Бесхитростное детское чувство подсказало мне тогда: это поют Ангелы и души подвизавшихся здесь праведников. Воспоминание глубоко меня взволновало. Теперь, спустя шестьдесят четыре года, отрадно было вновь услышать, как бы через призму времен, эти не изменившиеся голоса.

По дороге от всенощной мне вспомнились здешние торжественные службы много лет

Святой благоверный князь Даниил Московский.
Икона из Малого собора Донского монастыря. Находилась в часовне св. князя Даниила у Серпуховской заставы

ДАНIИЛЪ. МОСКОВСК

назад и подумалось: «Это моя духовная колыбель. Да разве только моя? Это колыбель Москвы. Отсюда, из первого московского монастыря, вознеслись первые монашеские молитвы о сем граде. Молитвы дошли: град рос, возвышался и стал центром Русского государства. Поэтому обитель Даниилова – не только колыбель Москвы, но и колыбель России, и наша общая святая колыбель. И вот она к тысячелетию христианства на Руси снова возвращается на круги своя. Нет, не на круги своя, как лишь обитель московская, а, по Промыслу Божию, на более высокие круги – как центр Русского Православия. Бог по молитвам святого Даниила не забыл нас, нерадивых и бесконечно грешных».

Вспомнилась картина на стене в монастырских воротах: Архистратиг Михаил ограждает могилу пророка Моисея от диавола. Адски злой, жаждущий все испепелить, взор диавола бессилен перед спокойным светлым взором Архистратига, останавливающего своим мечом диавола. В детстве мне казалось, что Архистратиг охраняет ворота в святую обитель. Вот так же – думалось мне теперь – меч Архистратига остановит гибель дорогой Москвы от диавольской злобы нашего времени. Только нужно непрестанно

благодарить Господа за то, что Он нас еще не забыл, и усердно молить Его о спасении. Теперь здесь у нас благодатное историческое место для молитвы о нашей Москве, о нашей Родине, ее народе и властях, о мире, о всех и за вся.

Содержание

Издание Данилова мужского монастыря

Директор Издательства – С. Дубинкин
Главный редактор Издательства – В. Малягин

Редактор – Т. Петрова
Художник – А. Григорьев
Допечатная подготовка – Д. Клыгин
Компьютерная верстка – О. Гришина
Корректоры – И. Алферова, Е. Свинцова
Компьютерный набор – Т. Божевольнова

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.
Подписано в печать 25.09.2011. Формат 70×90 1/32.
Печ. л. 3. Тираж 10 000. Заказ № 8328

Издательство «Даниловский благовестник»
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 20

При участии ООО Агентство печати «Столица»
тел.: (495) 331-14-38; e-mail: apstolica@bk.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК